

А.А. Ярлыкапов

ПОЛИЭТНИЧНЫЙ ДАГЕСТАН: ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ¹

Аннотация: В Дагестане огромную роль играет этническая идентичность. На современном этапе складывается общедагестанская идентичность, но для рядового дагестанца большое значение имеет принадлежность к собственной этнической группе. Большую роль играют также земельные проблемы и вопросы внутриисламского диалога. Миграция горцев на равнину перевела земельные споры в сферу межэтнических взаимоотношений. Кроме того, неясный правовой статус земель на равнине втягивает в конфликты республиканские власти, которые воспринимаются как сторонники переселенцев. Ситуацию осложняет также конфликт между двумя основными течениями ислама: суфизмом и салафизмом. Большой проблемой является радикализация исламской молодежи, которая выражает свой протест в религиозной форме. Многие современные проблемы республики находят выражение в межэтнической напряженности.

Ключевые слова: Политология, Дагестан, идентичность, этнос, конфликт, суфизм, салафизм, диалог, ислам, молодежь

Республика Дагестан – самый полиэтничный регион России. «Титульных» народов, языки которых поддерживаются на государственном уровне, насчитывается 14 (аварцы – 29,4% населения Дагестан, агулы – 0,9%, азербайджанцы – 4,3%, даргинцы 16,5%, кумыки 14,2%, лакцы – 5,4%, лезгины – 13,1%, таты – 0,004%, табасаранцы – 4,3%, ногайцы – 1,6%, рутульцы – 0,9%, русские – 4,7%, цахуры – 0,3%, чеченцы – 3,4%). Реальное число коренных народов гораздо больше, свыше 30. По данным на 01.01.2009 г. численность населения Дагестана составляла свыше 2,7 млн. человек². На днях Дагестан ожидает рождение трехмиллионного жителя.³ Около 95% верующих – мусульмане (большинство сунниты, до 4% – шииты), около 5% – христиане (в основном православные), менее 1% – иудаисты. Дагестан расположен в северо-восточной части Кавказа, с востока омывается водами Каспийского моря. Дагестан подразделяют на три зоны: горная (39,9% территории), предгорная (15,8%) и равнинная, или плоскостная (43,3%).

Согласно Конституции, Дагестан является демократической республикой в составе Российской Федерации. Политическую власть в республике осуществляют Глава Республики Дагестан, Народное Собрание Республики Дагестан, Правительство Республики Дагестан и Суды Республики Дагестан.

Фактор этничности для Дагестана всегда был и в обозримой перспективе останется ключевым в силу его многонациональности. В наследие от советских времен дагестанцы получили высокую степень этнического самосознания, народы республики обладают высокой степенью этнической консолидации. Одним из первых вопросов, который дагестанцы зададут другому человеку при знакомстве, почти наверняка будет: «Ты какой нации?»

Этническая идентичность в Дагестане – один из главных мобилизирующих факторов. Республика лидирует по числу межэтнических конфликтов, как явных, так и латентных. Однако, по мнению большинства экспертов, ни один из этих конфликтов не основан на чисто этнической неприязни: «Любой межэтнический конфликт так или иначе связан или с земельным вопросом, или с вопросами управления, или с вопросами перераспределения ресурсов»⁴. Этническая идентичность, тем не менее, имеет ограниченный

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ проект №11-06-01177а «Кросскультурный анализ межэтнических установок в регионах с нестабильной социально-политической ситуацией».

² Дагестан. Материал из Википедии. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Дагестан>, дата обращения 01 октября 2011.

³ Интервью с Д. Курбановым, сотрудником Аналитического отдела Администрации города Махачкалы, 19 сентября 2011 г.

⁴ Интервью с Ш. Шихалиевым, Зав. отделом восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 14 сентября 2011 г.

ресурс, она не может быть общедагестанским объединяющим фактором. Этническое многообразие Дагестана при отсутствии безусловно доминирующей этнической группы создает ситуацию, когда этнические элиты вынуждены договариваться друг с другом, а относительные меньшинства объединяются против относительного большинства, чтобы не допускать чьего-либо доминирования. При этом представитель того этноса, который выдвинулся на вершину власти, вынужден учитывать интересы представителей других этнических групп, поддерживая систему этнического квотирования во власти.

Эффективная система этнического квотирования в Дагестане была заложена еще в советские годы. Именно с советских времен дагестанцы привыкли зорко следить за соблюдением пропорций в самых разных сферах, хотя главной остается, конечно, власть, как самый важный ресурс. Менее явно этнический фактор проявляется в бизнесе. Эксперты, а также представители разных слоев населения на фокус-группах отмечали тяжелые экономические условия в республике. Если по России уровень регистрируемой безработицы составляет 5%, то по Дагестану последняя цифра 12%, на деле, скорее всего, больше 20% (экономисты говорят о 300 тыс. безработных)⁵. В сельских Цунтинском и Цумадинском районах процент безработных доходил до 75–80%⁶. Обычно руководитель предприятия при приеме на работу обращает внимание на национальность претендента. Связи, в том числе клановые и родственные, играют большую роль при трудоустройстве. Иными словами, этнический фактор практически никогда не играет самостоятельной роли⁷.

В наши дни идет процесс постепенного складывания общедагестанской идентичности⁸, основанный на опыте совместного проживания в рамках одной административной единицы представителей разных этнических групп, наличии языка межэтнического общения – русского, комбинации кавказских и общероссийских культурных черт, которые и создают

уникальную дагестанскую культурно-историческую общность. Еще в советские годы в межэтническом общении дагестанцев выработался особый вариант русского языка, который характеризуется широким использованием общего для всех дагестанских языков и понятного для всех пласта арабо-персидских слов. Слова: «У него *хасият* такой», прозвучавшие в беседе одного дагестанца с другим, будут непонятны постороннему, но любой дагестанец поймет, что речь идет о характере. Перевести на литературный русский язык можно как: «У него нрав, характер такой». Подчеркну, что общедагестанская идентичность еще не устоялась, она в процессе формирования. Актуализируется она у дагестанцев, находящихся за пределами республики, где формируются довольно значительные их группы. Сложилось даже широко используемое за пределами Дагестана (само)название «даг».

Рост национализма в России. Серьезные протесты у дагестанцев вызывает рост национализма в стране. Дагестанцы ассоциируют себя с Россией, многие гордятся тем, что они ее граждане. События, последовавшие после волнений на Манежной площади, дагестанцы воспринимают как противопоставление России и Дагестана, видят в этих процессах угрозу лично для себя и своих близких. Вина за рост националистических настроений дагестанцами перекладывается на федеральный центр, который «плохо владеет ситуацией в республике, не понимает Кавказ, не понимает Дагестан, не понимает, его национальный компонент»⁹.

Современное дагестанское общество весьма неоднородно. С одной стороны, культурно дагестанцы резко выделяются, к примеру, города республики все больше напоминают ближневосточный Каир. Однако это идет не через консервацию традиций. Традиции в значительной мере сохраняются в сельской местности, однако и там молодежь все менее вовлечена в структуру традиционных взаимоотношений. Нарушился их механизм. Прежняя схема, когда традиции действовали в рамках всего джамаата, объединяя сельскую общину, сломана. Происходит резкое ограничение сферы применения традиций рамками семьи, клана¹⁰. За их пределами молодой человек ощущает себя свободным! В беседе со мной один чиновник жаловался

⁵ Интервью с Абасом Шапиевичем Ахмедуевым, Главным научным сотрудником Института социально-экономических исследований ДНЦ РАН, 16 сентября 2011 г.

⁶ Интервью с Заидом Магомедовичем Абдулагатовым, Зав. отделом социологии Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 14 сентября 2011 г.

⁷ Интервью с Мусой Мусаевым, корреспондентом «Кавказского узла» в Махачкале, 24 сентября 2011 г.

⁸ Интервью с Махачем Мусаевым, Зав. отделом востоковедения Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 15 сентября 2011 г.

⁹ Интервью с дагестанским журналистом (аноним), 24 сентября 2011 г.

¹⁰ Интервью с Махачем Мусаевым, Зав. отделом востоковедения Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 15 сентября 2011 г.

ся, что его племянник в горном селении ходит в мечеть по пятницам, потому что там люди зорко за этим следят, но стоит ему уехать в Махачкалу, как он вовсе перестает молиться. Примерно то же самое происходит с некоторой частью дагестанской молодежи, когда она выезжает за пределы своих джамаатов. Ограничения снимаются, и их поведение порой может вызывать конфликты с окружающими.

Молодежь в первую очередь переживает кризис идентичности. Дагестанский социолог Заид Абдулагатов говорит о парадоксальной двойственности сознания молодежи: в ходе опросов больше половины молодых дагестанцев заявляют о принадлежности к восточной, основанной на исламе, культуре¹¹. Происходящие в целом в России перемены, кавказофобия толкают молодых жителей республики к поиску себя в стороне от общероссийской общности, обостряя и без того серьезный кризис идентичности.

Земля в Дагестане всегда была дефицитом. В условиях перенаселенности здесь были вынуждены развивать другие формы деятельности, кроме сельского хозяйства, широко было распространено отходничество. В советские годы к собственно Дагестану были присоединены равнинные территории бывшей Терской области, в 1959–60-х гг. началось организованное переселение горцев на равнину¹². К 1980-м годам, когда плановое переселение прекратилось, этот процесс стал неконтролируемым. Сегодня Дагестан переживает последствия переселений и различных связанных с ними нарушений. Основным вопросом и катализатором конфликта при этом становится земля, а поскольку переселенцы иноэтничны, то конфликты обретают форму межнациональных.

Необходимо отметить, что разброс мнений относительно земли бывает самым широким. Исконные жители равнины часто апеллируют к тому, что у них отобрали земли, и требуют справедливости. Однако мало кто сейчас говорит о том, чтобы изгнать тех, кого планово переселили еще в советское время: к ним нет претензий, с ними установились отношения добрососедства. У старожилов есть претензии к тем, кто переселился, скажем, сверх квоты, и пытается обустроиться на равнине, минуя законные процедуры.

¹¹ Интервью с Заидом Магомедовичем Абдулагатовым, Зав. отделом социологии Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 14 сентября 2011 г.

¹² Адиев А.З. Земельный вопрос и этнополитические конфликты в Дагестане. Ростов-на-Дону, 2011. С.49.

В основном они обвиняют таких переселенцев в том, что они пользуются правовой неурегулированностью статуса земель отгонного животноводства. Возникающие на этих землях поселения незаконны, а попытки их узаконить разными способами вызывают протест.

В итоге проводившейся во второй половине XX в. политики прежние жители равнинных районов чувствуют себя ущемленными. Землеобеспеченность жителей горных районов, которым передавались участки земли на территории равнинных районов, оказалась значительно выше жителей последних. Землеобеспеченность жителей, например, Гунибского района, в 10 раз превышает землеобеспеченность жителя дагестанской равнины. В Кумторкалинском районе из 120 тыс. га земель в административных границах, 88 тыс. га находятся в пользовании горных районов, из них 44 тыс. – у Гунибского района¹³.

Жители равнин считают, что необходимо навести порядок с самой системой отгонного животноводства, и решить статус этих земель. По их мнению, многие земли, отведенные для отгонного животноводства, давно используются не по назначению. Они считают, что земля эта рассматривается *«не как агро-ресурсный потенциал, а как объект территориального приобретения»*¹⁴.

Не решая застарелые земельные споры и проблемы, власти затрудняют инвестиции в сельское хозяйство. В частности, жители Ногайского района категорически отказались от предложения американского инвестора построить сахарный завод с производством собственного сырья и созданием рабочих мест для 10 тыс. рабочих (в районе проживает около 15-20 тыс. человек). Ногайцы решили, что речь идет не о создании рабочих мест для них, поскольку оказалось, что рабочих будут на новое предприятие завозить, а о схеме отъема 100 тыс. га земли, которые планировалось отдать под производство. Ногайские фермеры ставят вопрос о том, что эти земли можно было бы отдать им, развивать их фермерские хозяйства. Причем фермеров возмущает то, что программы, работающие в соседнем Ставропольском крае, не работают в Дагестане. *«В соседнем Ставропольском крае помогают начинающим и мелким предпринимателям, а у нас – нет. Там, если ты покупаешь тех-*

¹³ Интервью с Абселиддином Азимовичем Мурзаевым, Исполнительным директором Некоммерческого партнерства «Толеранс», 15 сентября 2011 г.

¹⁴ Там же.

нику, 50% доплачивает государство, помогает механизации. А у нас такого нет. Законы не работают! У нас создается такое впечатление, что нас целенаправленно ущемляют»¹⁵. Фермеры из этого делают политический вывод: «Программа наша глобальная – отделиться от Дагестана. Пока мы в составе Дагестана, нам нет развития!»¹⁶.

Итак, за всеми конфликтами, связанными с землей, и приобретающими этнополитический характер, стоят не вопросы этнических различий и невозможности совместного проживания представителей разных национальностей. В значительной мере виноваты власти разного уровня, не желающие решить застарелые проблемы, связанные с землепользованием в республике. Это актуализирует этнический аспект и приводит к все большему связыванию «земли и крови».

Дагестан – самый исламизированный регион России, этим и определяется значение религиозного фактора для республики. Подавляющее большинство населения исповедует ислам – одну из основ идентичности дагестанцев.

Религиозное развитие Дагестана с начала 1990-х гг. было далеким от мирных сценариев. Мусульманское возрождение началось здесь с конфликтного отделения от Духовного управления мусульман Северного Кавказа и продолжилось дальнейшим дроблением по этническому признаку. Время этнических муфтиятов прошло, однако единое теперь Духовное управление мусульман Дагестана не признается легитимным как минимум половиной мусульманских общин республики. Ключевые претензии – в узкой суфийской специфике республиканского муфтията, представленного мюридами одного шейха – Саида-афанди Чиркеевского, и в клановости – ключевые должности контролируют не просто аварцы, а представители гумбетовского клана.

Исламское поле Дагестана не ограничивается наличием двух толков суннитского ислама – шафиитского и ханафитского, шиизма и суфизма. Оно гораздо более мозаично, здесь представлены различные радикальные группы салафитского толка (так называемые «лесные», «ваххабиты», «Ахлю сунна»), разные

школы и традиции суфизма, а также достаточно маргинальные и немногочисленные группы сторонников Хизб ут-Тахрир, Фетхуллага Гюлена и весьма своеобразная секта «крачковцев». Все это поле бурлит и непосредственно влияет на состояние дел в республике. В ситуации отсутствия единства ислам не может играть стабилизирующую роль, существенно снять напряженность и решить социальные вопросы. Напротив, часто религия становится выразителем протестных настроений, фактором дестабилизирующим.

Сложилось упрощенное представление о том, что в Дагестане протестную исламскую группу представляют только салафиты, «ваххабиты» и «лесные». Однако и среди «традиционных» и якобы поголовно лояльных суфиев находятся те, кто выражает протестные настроения. В частности, есть оппозиционные самому влиятельному шейху Саиду-афанди суфийские деятели, которые всячески ограничивают контакты с государством и существующим режимом. К ним относятся хасавюртовские аварцы, последователи шейха Таджуддина (линия параульских шейхов), а также акушинские и левашинские алимы. Они обосновывают свою позицию тем, что власть находится в руках неверных. Поскольку изменить положение дел сейчас они не могут, то запретили своим последователям идти против власти с оружием в руках, но рекомендовали минимизировать контакты с ней.

Итак, салафиты – не единственные, кто представляет протестную линию в исламе. Они действительно хотят установить свою политическую систему. Однако в стане салафитов произошли серьезные изменения: за прошедшие 20 лет они потеряли своих интеллектуалов, которые имели политическую платформу, знали, чего они хотят и как этого добиться. Однако идеология не побеждена, что ведет к росту бессистемного насилия с их стороны, террору против силовиков и представителей власти. Еще один неприятный факт, с которым пришлось столкнуться властям республики – со стороны салафитов практически не осталось тех, с кем можно всерьез говорить и договариваться.

Последнее стало очевидно в связи с разворотом властей республики к попыткам способствования внутриисламского диалога в республике. Новый Глава Дагестана Магомедсалам Магомедов инициировал дискуссии между разными исламскими группами в республике, в ходе которых умеренная часть салафитов («Ахлю сунна») оформилась в некоторое подобие политической силы, представляющей интересы оппозиционных мусульман. Было дано указание прекратить

¹⁵ Фокус-группа с представителями фермеров (перевод с ногайского языка). Республика Дагестан, Ногайский район, с. Карагас, 16 сентября 2011 г.

¹⁶ Речь здесь идет о требованиях автономии для ногайцев, очередной раз озвученных летом 2011 года в ходе протестов ногайцев против планов строительства сахарного завода на территории Ногайского района.

силовые действия против мирных салафитов, в результате в республике открыто действуют салафитские мечети в Шамхале, Губдене, Буйнакске, салафитские группы в Махачкале. Хотя почти все эксперты скептически оценивают результаты работы и перспективы созданной по инициативе Магомедсалама Магомедова Комиссии при Главе РД по оказанию содействия в адаптации к мирной жизни лицам, решившим прекратить террористическую и экстремистскую деятельность на территории республики, красноречив сам факт ее учреждения, свидетельствующий о желании наладить диалог с крайней оппозицией. Однако сами умеренные салафиты, приветствуя инициативы власти и осторожно участвуя в предлагаемых формах сотрудничества, готовы свернуть диалог: *«Мы открыты и вышли из подполья. Но мы в любой момент готовы вновь уйти, потому что мы не уверены в том, что новая политика всерьез и надолго»*¹⁷.

Светское / религиозное: проблемы взаимоотношений. Дагестанцы обладают весьма высокой степенью религиозности, что находит отражение в общественно-политической жизни республики. Религиозные деятели, чувствуя поддержку со стороны консервативно-религиозной части общества, активно включаются в полемику со светскими деятелями, пытаются вмешиваться в сферы, далекие от религии, в частности, в научные дискуссии, пытаются вести мониторинг литературы и влиять на круг чтения дагестанцев через запрет определенных книг. Вслед за инициативами РПЦ мусульманские деятели Дагестана активно ставят вопрос необходимости введения уроков ислама в школах.

Все чаще встает вопрос допустимости исламской одежды в государственной школе, совместного обучения девочек и мальчиков и т.д. Чересчур принципиальные сторонники светскости становятся жертвами накала страстей, как директор школы в поселке Шамхал Патимат Магомедова, которая была убита в сентябре 2010 г., как считается, из-за ее непримиримой позиции по поводу ношения хиджаба в школе и уроков физкультуры для девочек¹⁸.

Однако в некоторых случаях, по мнению экспертов, не все однозначно. В частности, часто поднимает-

ся вопрос об исламском образовании, которое якобы пытается заменить светское. На деле в Дагестане исчезающее мало общин, которые отдают предпочтение системе исламского образования. Престижность светского образования сегодня никем не ставится под сомнение. Кроме того, активно критикуемые исламские вузы Дагестана, по мнению экспертов и даже правительственных чиновников, играют очень важную социальную роль, занимая тех, кто не нашел денег для поступления в светские вузы. Эти молодые люди получают кров, еду, а также воспитываются в исламской морали суфийской направленности, запрещающей вооруженную борьбу и экстремизм¹⁹.

Проблема разницы поколений в Дагестане обострена до предела. Традиционное общество, регулировавшее межпоколенную коммуникацию и передачу знаний, умений, навыков и устоев, все больше размывается под влиянием глобализационных процессов, идущих в мире в целом, а также своеобразной «исламской глобализации», когда среди мусульман все шире распространяются представления о наличии некоего универсального ислама, который должен быть свободен от различий в плане направления, толка и течения. Мусульманская молодежь в мире, а в последнее время и в Дагестане, все активнее вовлекается в процесс создания экстерриториальных общин, когда вовсе не обязательно принадлежать к общине тех, кто посещает одну и ту же мечеть. Интернет открывает доступ к впечатляющим коллекциям фетв так называемых «электронных муфтиев», которые становятся новыми кумирами исламской молодежи. Не учитывающие контекст и локальные особенности, эти фетвы привлекают молодежь своей универсальностью. Официальные религиозные лидеры, цепляющиеся за старые традиции, все больше теряют авторитет в их глазах. Эти люди ассоциируются у молодежи с нынешним строем, а значит, с полной и безоговорочной поддержкой современного состояния дел.

Молодежь особенно остро реагирует на современные проблемы дагестанского общества. Молодые люди на своих плечах испытывают практически все его пороки, особенно коррупцию. Известно, что

¹⁷ Интервью с представителем салафитской общины города Махачкалы (аноним), 23 сентября 2011 г.

¹⁸ *Ионов О.* Директор школы в Махачкале стала жертвой наемных киллеров... Кавказский узел. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/174704/> (дата обращения 24 сентября 2010 г.).

¹⁹ Интервью с Муртазали Гаджиявичем Якубовым, главным специалистом Отдела взаимодействия с религиозными образовательными учреждениями и гуманитарного сотрудничества Управления по государственно-конфессиональным отношениям Министерства по национальной политике, делам религий и внешним связям Республики Дагестан, 23 сентября 2011 г.

даже для того, чтобы поступить на бюджетное место с зарплатой в 5 тыс. руб. в месяц, потребуется вручить взятку в размере 20 тыс. руб. Наиболее опасной тенденцией следует признать закрепляющуюся «коррупцированность сознания» дагестанской молодежи. Студенты дагестанских вузов на фокус-группе выражали крайнюю степень пессимизма по поводу перспектив борьбы с коррупцией: *«Реальнее смириться с коррупцией. Надо думать о своем будущем: когда нарушим закон, а это неизбежно, у нас должны быть возможности избежать наказания»; «Когда нам удастся попасть во властные структуры, мы будем точно так же брать взятки. Невозможно отказать от денег»*²⁰.

Коррупция, отсутствие перспектив для собственного развития ведет к росту протестных настроений среди молодежи. Даже среди образованной молодежи распространены представления о том, что введение шариата – единственный способ решения проблем дагестанского общества (как один из вариантов решения путем введения или тотальной смены системы, называется также и реформа сверху, из Москвы)²¹. Небольшая, но активная часть молодежи в итоге оказывается среди групп боевиков. Большая же часть молодежи предпочитает трудовую миграцию, поскольку Дагестан отличается не только высокой безработицей, что в условиях аграрной республики, все же не столь опасно, но и весьма низким уровнем заработной платы.

Как уже отмечалось, в советское время Дагестан, поддерживал внутриреспубликанскую миграцию путем планомерного переселения населения с гор на равнину. Поздние советские годы характеризовались также попытками наладить миграцию дагестанских специалистов во внутрироссийские регионы. Распад СССР привел к прекращению каких-либо форм контроля над миграционными потоками. В результате за последние 20 лет все более возрастающими темпами идет внутриреспубликанская миграция с гор на равнину, из села в город. По сведениям экономистов, города Дагестана с 1990 г. выросли на 40–45%²². Весь этот

рост населения городов идет на фоне промышленного застоя (в республике до сих пор не достигнут даже уровень 1990 г. по промышленному производству). Города растут за счет значительного притока сельских жителей, что создает колоссальное напряжение в городских поселениях.

В условиях переизбытка трудовых ресурсов Дагестан имеет отрицательный баланс трудовой миграции: ежегодно 10 тыс. человек. Миграции постсоветских лет значительно отличаются от миграций советского времени. Постсоветские мигранты, сталкиваясь с настороженностью, а порой и враждебностью, создают на новом месте своеобразные дагестанские анклав. Дагестанцы жалуются на серьезные перемены, которые происходят в политике государственных органов как в целом по России, так и в соседних с Дагестаном регионах, особенно в Ставрополье. Политику ставропольских властей, направленную на ограничение прописки, приема на работу и вытеснения дагестанцев из земель отгонного животноводства, они называют «политикой выживания»²³. Это усиливает ощущение отчуждения, толкает к все большей изоляции.

Дагестан на всем пространстве Северного Кавказа до сих пор обладает бесценным ресурсом, важным в деле налаживания диалога между народом и политическими институтами. Этот ресурс – достаточно свободные печатные СМИ, а также наличие профессионального и ответственного журналистского сообщества. Дагестанские газеты, среди них «Новое дело», «Молодежь Дагестана», «Свободная республика», «Настоящее дело», «Черновик» и другие, публикуют достаточно острые репортажи, откликаются на самые животрепещущие проблемы общества и государства, публикуют обращения граждан к властям, мнения граждан о том, что творится в республике. Все это благоприятно сказывается на состоянии общественной дискуссии.

Тем не менее сами журналисты отмечают серьезные проблемы. По их мнению, свобода прессы ограничивается, на газеты оказывается все возрастающее давление, журналисты нередко слышат в свой адрес угрозы²⁴.

В целом же интервью и фокус-группы выявили колоссальный уровень недоверия в дагестанском сообществе. Наибольший уровень недоверия фиксируется в от-

²⁰ Фокус-группа со студентами вузов г. Махачкалы, 20 сентября 2011 г.

²¹ Интервью с Махачем Мусаевым, Зав. отделом востоковедения Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 15 сентября 2011 г.

²² Интервью с Абасом Шапиевичем Ахмедуевым, Главным научным сотрудником Института социально-экономических исследований ДНЦ РАН, 16 сентября 2011 г.

²³ Фокус-группа с представителями НКО, Общественная палата Республики Дагестан, 23 сентября 2011 года.

²⁴ Интервью с дагестанским журналистом (аноним), 24 сентября 2011 г.

ношении власти: коррупция, неспособность проводить в жизнь принятые программы, закрытость – все это создает атмосферу недоверия. Вот что учителя и социальные работники говорили на фокус-группе: *«Вот Вы нас спрашиваете про проблемы. Но мы даже не верим, что стоит об этом говорить, и что что-то изменится. Мы даже не интересуемся программами, потому что изначально знаем, что они не будут реализовываться в Дагестане!»*; *«Власть не способна нас защитить. Люди надеются только на себя»*; *«Наша власть, любого уровня, не живет проблемами народа»*²⁵. Политическая система дагестанцев не удовлетворяет. Что интересно, высокую степень политической сознательности проявили фермеры, которые самостоятельно подняли на фокус-группе вопрос выборов. По их мнению, выборы глав должны быть всенародными²⁶.

Таким образом, ситуация в Республике Дагестан характеризуется высокой степенью динамики. Чтобы понимать, что происходит в регионе, необходим постоянный мониторинг. Вопреки часто высказываемым оценкам ситуации в Республике Дагестан в категориях «гражданская война», «террористическая война» и т.д., мы должны отметить, что локальные вспышки насилия, пусть и довольно частые, все еще не достигают уровня, при котором можно оперировать термином «война». В то же время в республике сложился тревожный фон, который характерен почти ежедневным насилием. Общероссийские проблемы в Дагестане усилены в несколько раз. Кроме того, полиэтничный Дагестан переводит многие проблемы в привычную межнациональную плоскость, что может отвлечь исследователей и власти от сути этих проблем.

Библиография:

1. Абдулагатов З.М. Ислам в массовом сознании дагестанцев. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2008. – 204 с.
2. Адиев А.З. Земельный вопрос и этнополитические конфликты в Дагестане. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011. – 144 с.

²⁵ Фокус-группа с учителями и социальными работниками, с. Терекли-Мектеб Ногайского района Республики Дагестан, 16 сентября 2011 г.

²⁶ Фокус-группа с представителями фермеров (перевод с ногайского языка). Республика Дагестан, Ногайский район, с. Карагас, 16 сентября 2011 г.

3. Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М.: Наука, 2007. – 583 с.
4. Ислам и исламская культура в Дагестане. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 198 с.
5. Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX – начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2011. – 448 с.
6. Народы Дагестана / Отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М.: Наука, 2002. – 588 с.
7. Kurbanov, Ruslan. The information jihad of “Shariat” jamaat: objectives, methods and achievements. In: Russia and Islam: state, society and radicalism / Roland Dannreuther and Luke March (editors). Routledge, London and New York, 2010. P. 155-174.

References (transliteration):

1. Abdulagatov Z.M. Islam v massovom soznanii dagestantsev. Makhachkala: IIAE DNTs RAN, 2008. – 204 s.
2. Adiev A.Z. Zemel'nyy vopros i etnopoliticheskie konflikty v Dagestane. Rostov-na-Donu: Izd-vo SKNTs VSh YuFU, 2011. – 144 s.
3. Aliev A.K., Arukhov Z.S., Khanbabaev K.M. Religiozno-politicheskiy ekstremizm i etnokonfessional'naya tolerantnost' na Severnom Kavkaze. M.: Nauka, 2007. – 583 s.
4. Islam i islamskaya kul'tura v Dagestane. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2001. – 198 s.
5. Karpov Yu.Yu., Kapustina E.L. Gortsy posle gor. Migratsionnye protsessy v Dagestane v XX – nachale XXI veka: ikh sotsial'nye i etnokul'turnye posledstviya i perspektivy. – SPb: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2011. – 448 s.
6. Narody Dagestana / Отв. ред. S.A. Arutyunov, A.I. Osmanov, G.A. Sergeeva. M.: Nauka, 2002. – 588 s.
7. Kurbanov, Ruslan. The information jihad of “Shariat” jamaat: objectives, methods and achievements. In: Russia and Islam: state, society and radicalism / Roland Dannreuther and Luke March (editors). Routledge, London and New York, 2010. P. 155-174.